МАТЕРИАЛЫ, ДОКУМЕНТЫ, ПУБЛИКАЦИИ

Пирожкова Татьяна Федоровна, доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы и журналистики, факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия; e-mail: ruslit.msu@yandex.ru

К 140-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ И. С. АКСАКОВА. ПЕРЕПИСКА И. С. АКСАКОВА И Ф. В. ЧИЖОВА

Автор вводит в научный оборот и комментирует ранее не издававшуюся переписку И. С. Аксакова и Ф. В. Чижова, хранящуюся в фондах Российской государственной библиотеки и Института русской литературы. В собрании Чижова насчитывается 212 писем Аксакова, а в петербургском комплексе — 44 письма и записки Чижова к Аксакову. Очерчены границы собственно эпистолярного корпуса, охватывающего 1860–1877 гг. Обосновывается источниковедческая ценность писем для изучения истории славянофильства и пореформенной России: переписка раскрывает личные и деловые отношения корреспондентов, механизмы поддержки Аксакова в издательских и служебных проектах, а также отражает актуальные сюжеты общественной жизни (журналистика, экономические инициативы, внутрикружковые дискуссии, отклик на ключевые внутренние и международные события эпохи).

***Ключевые слова**: И. С. Аксаков, Ф. В. Чижов, славянофильство, эпистолярное наследие, переписка, история журналистики.*

Как цитировать: *Пирожкова Т. Ф.* К 140-летию со дня смерти И. С. Аксакова. Переписка И. С. Аксакова и Ф. В. Чижова // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2025. № 6. С. 239–256. DOI: 10.55959/msu.vestnik.journ.6.2025.239256

Tatiana F. Pirozhkova, Doctor of Philology, Professor at the Chair of History of Russian Literature and Journalism, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; e-mail: ruslit.msu@yandex.ru

ON THE 140TH ANNIVERSARY OF I. S. AKSAKOV'S DEATH. CORRESPONDENCE BETWEEN I. S. AKSAKOV AND F. V. CHIZHOV

The author introduces and comments on the previously unpublished correspondence between I. S. Aksakov and F. V. Chizhov, from the collections of the Russian State Library and the Institute of Russian Literature. The Chizhov collection contains 212 letters from Aksakov, while the St. Petersburg complex contains 44 letters and notes from Chizhov to Aksakov. The boundaries of the epistolary corpus itself, covering the years 1860–1877, are outlined. The value of the letters for researchers

of the history of Slavophilism and post-reform Russia is substantiated: the correspondence re-veals the personal and business relationships of the correspondents, the mechanisms for supporting Aksakov in publishing and service projects, and also reflects current topics in public life (journalism, economic initiatives, internal circle discussions, responses to key domestic and international events of the era).

***Key words**: I. S. Aksakov, F. V. Chizhov, slavophilism, epistolary heritage, correspondence, history of journalism.*

To cite this article: Pirozhkova T. F. (2025) K 140-letiyu so dnya smerti I. S. Aksakova. Perepiska I. S. Aksakova i F. V. Chizhova [On the 140th anniversary of I. S. Aksakov's death. Correspondence between I. S. Aksakov and F. V. Chizhov]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika 6*: 239–256. DOI: 10.55959/msu.vestnik.journ.6.2025.239256

DOI: 10.55959/msu.vestnik.journ.6.2025.239256

В огромнейшем фонде Ф. В. Чижова, хранящемся в научно-исследовательском отделе Российской государственной библиотеки (Москва), среди писем, полученных им от славянофилов, самое значительное место занимают письма И. С. Аксакова (Ф. 332. Карт. 15. № 4–18) – несколько единиц хранения, 212 писем, по нашим подсчетам. Среди этих писем есть два письма (архивистами ошибочно указаны три письма – Ф. 332. Карт. 10. № 1), одно из которых прочесть не представляется возможным: листы высохли и рассыпались. Письма Чижова Аксакову находятся в другом архивохранилище, в отделе рукописей Института русской литературы в Санкт-Петербурге (Ф. 3. Оп. 2. № 675, 44; архивистами ошибочно указано 45).

Как создалось это количественное несоответствие, диспропорция: 200 с лишним писем Аксакова и 44 письма Чижова? Дело в том, что, несмотря на свою внушительную внешность, Федор Васильевич был человеком некрепкого здоровья, даже в молодости часто болел, с годами болезней прибавлялось, необходимость в лечении и отдыхе увеличивалась, и с 1869 г. в отсутствие Чижова его председательские обязанности в московском Обществе взаимного кредита, где они оба служили, исполнял Иван Сергеевич. Председатель не формально, а в деталях интересовался всем происходящим без него и просил Аксакова присылать ему банковские отчеты каждую неделю, что тот аккуратно и исполнял. За вычетом этих отчетов, имеющих отношение прежде всего к истории банковского дела в России, а не к отношениям двух людей и потому нами не рассматриваемых, осталось 40 с лишним писем и записок Аксакова, которые с 44 письмами Чижова составили переписку, которая

в ближайшее время появится в одном из томов «Славянофильского архива» в издательстве «Пушкинский Дом».

Переписка не только внушительна, но и продолжительна по времени – с 1860 по 1877 гг., год смерти Чижова. Она неизвестна ни читателям, ни большинству исследователей, за исключением одного письма Аксакова Чижову, в 1984 г. напечатанного В. Н. Грековым в альманахе «Поэзия» и неверно отнесенного публикатором к 1866 г. вместо 1860-го[1]. Отдельные цитаты – небольшие – из переписки встречаются в книгах Н. И. Цимбаева, С. В. Мотина, И. А. Симоновой и А. А. Тесли[2].

Однако письма никогда не соединялись воедино, никогда не издавались, следовательно, история личных и деловых отношений двух славянофилов не получила до сегодняшнего дня осмысления историков славянофильства. Не было у Чижова, как и у Аксакова, в Москве более близких друзей: их отношения с кн. В. А. Черкасским особой теплотой не отличались, с А. И. Кошелевым были прохладными. В одном из писем Аксакову 1869 г. Чижов так аттестовал себя: «Ваш всегда неизменно и просто всею душою Вам преданный»[3]. Анна Федоровна Аксакова определила отношение Чижова к ее мужу как «доброе, дружеское, великодушное участие», за которое благодарила «из глубины души»[4].

Это участие – всегда ощущаемое надежное плечо Федора Васильевича – действительно скрашивало нелегкую жизнь Ивана Сергеевича. Можно уверенно утверждать, что без помощи Чижова судьба Аксакова сложилась бы по-иному. Неизвестно, сумел бы он «дотянуть» газету «День» до конца 1865 г., ибо последний год был тяжелейший и вообще беспрецедентный в истории журналистики, когда издатель по своей воле прекратил на время выпуск газеты, а после отдыха восполнял подписчикам недоданное двойными номерами. В биографии Аксакова совершенно точно не было бы газеты «Москва», созданной по почину Чижова. И не было бы службы с 1869 г. в Обществе взаимного кредита, тоже возникшего по воле друга (служба материально обеспечивала Аксакова и позволила со временем выплатить 12 тысяч рублей серебром долга за издание «Дня»). Ни из каких писем другим лицам и мемуаров читатель никогда не сможет узнать о той роли, которую сыграл Чижов в жизни Аксакова. С лета 1857 г., когда Чижов с шелковичной плантации около Киева приехал в Москву на постоянное жительство, и до конца жизни он оказывал Аксакову неоценимую помощь и поддержку, в чем убеждает переписка между ними.

В переписке естественно возникло обсуждение вопросов, связанных со славянофильством: был ли, к примеру, «День» органом славянофилов (он не в полной мере отражал их воззрения) или личной газетой Аксакова; отчего Чижов, самостоятельно и независимо ставший приверженцем славянофильских взглядов, не стал редактором славянофильских изданий? («Вы думаете, я не понял, что мне всего лучше спрятаться за ширму промышленности?»[5])

Переписка интересна тем, что содержит сведения о взаимоотношениях в славянофильском кружке после смерти их лидеров, ранее совершенно неизвестные факты биографий Аксакова и Чижова, события внутренней жизни пореформенной России: обстановка в журналистике, строительство железных дорог, покушение Д. В. Каракозова на императора, «нечаевское дело» и др. – и международные: Парижская коммуна, Франко-прусская война, вооруженная борьба на Балканах в 1875 г. и ее последствия.

Мы не обнаружили свидетельств о том, когда состоялось личное знакомство Аксакова и Чижова. Их встреча могла произойти, скорее всего, в первые месяцы 1846 г., когда оба приехали в Москву: Чижов из Малороссии – погостить, как он говорил, «освежиться», а Аксаков – из Калуги, где служил. 24 апреля 1846 г. Аксаков присутствовал в театре на представлении водевиля брата Константина «Почтовая карета», а на другой день в доме Свербеевых тоже с братом – на чтении Чижовым огромнейшей статьи о немецком живописце Овербеке: «Чтение окончилось в 2 часа ночи!»[6]. Иван привык на службу вставать рано, в 6 часов утра, и эти всенощные бдения москвичей, вообще суета московской жизни были ему в тягость.

Вероятно, возникло взаимное расположение. Приехав в 1854 г. по поручению Географического общества на Украину для описания тамошних ярмарок, Иван Аксаков с Н. А. Ригельманом, другом Чижова, отправился из Киева к Чижову на шелковичную плантацию – «верст 60 отсюда» – и оставил описание его житья-бытья: «Чижов обрадовался нам чрезвычайно. Живет он совершенно уединенно: выстроил себе маленький домик в полуверсте от какой-то казенной деревни, окопал себя рвом, завел у себя садик и плантацию шелковых деревьев. При нем несколько человек наемных работников. Шелковое его заведение идет отлично: он получил уже 2 медали за свой шелк и приохотил соседних крестьян к этому занятию, раздавая им безденежно семена и наблю-

дая за обращением их с червями. Человек уже 60 в окрестности стали разводить у себя тутовые деревья и червей. Но производство хорошего шелка требует старательного ухода и ученого знания, а потому шелк крестьянский очень низкой доброты. – Несмотря на все достоинства шелка у Чижова, выгоды, получаемые им, очень малы. При всех стараниях он не может иметь более 8 пуд шелка, что – за исключением издержек – принесет до 1000 р<ублей> сер<ебром>. – Стоит ли для этого хоронить себя в глуши! <...> Видно, что уединение и мирная сельская жизнь просто набили ему оскомину: он скучает, хандрит, тоскует, рвется в Москву, называя ее церковью, храмом, который надо посещать для очищения и обновления сил, и зиму будущую проведет непременно в Москве. Взгляд на современные события у него одинаков с нашим. Он собирается писать об них статью. Человек умный и деятельный, сознающий свои силы и дарования, хорошо знакомый с миром славянским, он хотел бы принять действительное участие в событиях, и если б правительству нужно было бы послать кого-нибудь к славянам, то Чижов, по моему мнению, мог бы быть употреблен с величайшею пользою»[7].

Чижов и Аксаков живут обособленно, своей жизнью, но во второй половине 1840-х гг. оба побывали в III отделении: Чижов раньше, весной 1847 г., Аксаков – весной 1849 г. Аксаков – за обсуждение в письмах к родным ареста Ю. Ф. Самарина III отделением, Чижов – из-за непроясненных до сих пор обстоятельств: то ли по подозрению в принадлежности к Кирилло-Мефодиевскому обществу, членом которого не был, то ли по доносу австрийского правительства о тесных контактах со славянами, что естественно, когда путешествуешь по Истрии, Далмации, Сербии и другим славянским землям. Последовал суровый вердикт властей: Николай I объявил себя цензором Чижова, все написанное присылать в III отделение, т. е. запрещена литературная деятельность, как и журналистская – за пылкость характера, а также запрет на проживание в обеих столицах. Тогда Чижов и приобрел в безвозмездное пользование на 25 лет заброшенную плантацию тутовых деревьев около Киева, на которой и побывал Аксаков в 1854 г.

После того как окончилась Крымская война и славянофилы, ввиду наступившей «оттепели» (Ф. И. Тютчев), получили разрешение на издание журнала, окружающие часто будут их воспринимать вместе и их пути пойдут почти параллельными руслами. Прежде всего на них – Чижова и Аксакова – славянофилы возла-

гали надежды, когда задумали кроме журнала «Русская беседа» выпускать «Московский толк» и «Сборник иностранной словесности». Такое мощное издательское предприятие не состоялось ввиду отсутствия Ивана Аксакова, отъехавшего в 1856 г. в Крым в комиссию кн. В. И. Васильчикова для расследования злоупотреблений по интендантству Южной и Крымской армий и отсутствия в Москве Чижова, который хоть и получил – после смерти Николая I – разрешение печататься обычным порядком, через местную цензуру, но оставить вдруг свою плантацию не мог: «Взять на себя редакции журналов прекрасно; но бросить шелководство было бы глупо и непростительно»[8].

В эту пору между ними существовала переписка, письма не дошли до нас, но они были. Когда в 1856 г. появились в Москве слухи о том, что Чижову предлагают место консула в Боснии, Иван считал, что отказываться не стоит: «... буду писать об этом (т. е. Чижову. – *Т.П.*), – сообщал он родным, добавив, что они <...> перекликаются по случаю предполагаемого издания журнала»[9].

Первые сохранившиеся из переписки письма относятся к началу 1860 г. – с них и начинается наша публикация.

Но до начала переписки в биографиях обоих деятелей были схожие события: с августа 1858 г., с четвертой книги «Русской беседы», редактировать журнал (неофициально) стал Иван Аксаков, а Чижов с июля этого же года редактировал журнал «Вестник промышленности», издаваемый на деньги купцов.

Написав в конце 1859 г. «Заключительное слово» («Мы приостанавливаем издание “Русской беседы”»)[10] так проникновенно, что у получившего журнал А. С. Хомякова «екнуло» сердце, Аксаков в самом начале 1860 г. отправился за границу – в Германию, в славянские страны. Чижов, по горло занятый редактурой «Вестника промышленности» и строительством Московско-Троицкой железной дороги, изредка навещал Аксаковых; вероятно, ему читали или пересказывали получаемые из-за границы письма, и он первый написал Ивану (письмо от 6 февраля 1860 г.). 3 марта (20 февраля) 1860 г. оно было уже получено в Мюнхене, о чем Аксаков известил родных: «Получил я письмо от Федора Вас<ильевича> Чижова, которому, разумеется, буду отвечать. Я очень благодарен ему за дружбу, которой это письмо служит новым доказательством»[11].

Аксаков ответил Чижову письмом, которое тот назвал «прекрасным»[12] – так завязалась переписка, которая будет связывать двух корреспондентов до смерти Федора Васильевича в 1877 г. В 1860 г.

Аксаков написал замечательное стихотворение «Ф. В. Чижову» – о путнике, кладущем в суму, «не разбирая строго», все, что попадается под руки. Стихотворение обращено к Чижову, но еще в большей степени его содержание относилось к самому Аксакову, на неопределенность занятий и целей которого Чижов обращал внимание в первом письме. Чижов со своими интересами и склонностями к 1860 г. уже определился – «аскетическое служение промышленному миру». «Вы хотите то, другое, заняться тем, другим, и все внешним, Вас убеждающим, Вас соблазняющим», но дух Аксакова, как считал Чижов, не окреп, и следует бороться «не с препятствиями, а с самим собою»[13].

Читатель, несомненно, обратит внимание на некоторую странность писем, их наставительный тон (Чижов был старше Аксакова на 12 лет), иногда резкость, за которую он, человек самокритичный, неизменно извинялся, за определения, даваемые в письмах, которые к Ивану Сергеевичу совершенно неприложимы («аристократ в деле жизни», «дилетант в деле труда» и пр.). Такая же особенность у некоторых более поздних писем Чижова. Это идет от своеобразия его характера (окружающие называли «ворчуном»), от его утомления («Устал я сильно»): в течение полутора лет редактировал журнал «Вестник промышленности» без единого помощника (журнал ежемесячный, это 10–12 печатных листов), для XVIII в. такой журнал «одного лица», как его называли, – обычное явление, но для второй половины XIX века – явный анахронизм.

Уже в самом первом письме Аксакову Чижов признался, что болен нервно, что для него «самая жизнь отвратительна», он «в разладе» с нею. Жизнь была отвратительна еще и потому, что в 1859 г. Чижов собрался жениться – первый раз в жизни – и в том же году отказался от своего намерения. Вероятно, и то и другое решения дались ему нелегко, явно не способствовали душевному равновесию – «живой жизни» для него уже не будет, осталась только «внешняя деятельность», работа.

В таком нервном состоянии написаны некоторые письма Аксакову, при чтении которых порою создается впечатление, что Федор Васильевич писал, не имея в виду конкретного адресата, ибо Иван Сергеевич был такой же неудержимый работник (одно отличие: знал бедность, но не нищету, и не зарабатывал на хлеб физическим трудом), наставления Чижова устремлены в какое-то невидимое пространство, населенное аристократами, ничего

не делающими, лежащими на диванах. Что и подтвердил сам Чижов, получив ответную отповедь Аксакова: «Я говорил с самим собою»; «браня и нападая на Вас, нападал сам на себя»[14]. Он говорил «с самим собою», потому что был очень одиноким человеком – никто не был свидетелем его многолетней жизни на плантации, когда по нескольку месяцев не с кем было перекинуться словом (его собственное признание в письмах Ивану), когда все оставили его; со дна души, вероятно, поднимались давние обиды, ему не удавалось вырваться из прошлого, нестерпимая боль воспоминаний о трудно прожитой жизни накрывала его, как волна, с головой. И письмо превращалось из диалога с адресатом в монолог.

Именно одиночеством, сознанием того, что человек не должен оставаться один на один с испытаниями, объясняется такая страстная помощь Чижова издателю «Дня». Как можно на одного человека возложить всю тяжесть целого направления, лидеры которого ушли из жизни; если Аксаков поднял изданием газеты славянофильское знамя, оставшиеся единомышленники, по мнению Чижова, должны делать общее дело, а не стоять одиночками на горизонте: «Большая часть наших сподвижников <...> или удалялись или удаляются с поля сражения»[15]. «Есть ли время, мало ли его, а помогать должно», – это был его жизненный принцип. И он, Чижов, не только приветствовал появление газеты Аксакова, но принимал в ее издании самое деятельное участие, и писал не только статьи на экономические темы, статьи о железных дорогах, но и передовые, обязался каждые два дня присылать редактору «Дня» политические известия из газет, разрешал свои материалы подписывать буквами, создавая впечатление (для читателей), что Аксаков не один руководит печатным органом. Именно публикуемая нами переписка заставляет поверить в то, что участие Чижова в газете значительнее, чем представлялось ранее. Н. И. Цимбаев утверждал, что Ф. В. Чижов сотрудничал в «Дне» «сравнительно мало»[16]. Имелись в виду подписанные именем Чижова материалы, а было множество неподписанных, как ясно из переписки. В фонде Чижова мы обнаружили записку Аксакова, адресованную его деятельному помощнику: «Ничего я так не желаю, как того, чтоб Вы нарисовали для “Дня” картину политического состояния Европы, и ни на кого менее я не имею права налегать как на Вас. Прочих я могу укорять в бездействии, апатии, мешкотности, безучастии к моей газете, Вас никоим образом не могу в этом попрек-

нуть, и мне истинно совестно приставать к человеку, до такой степени заваленному работой, как Вы»[17].

При чтении писем нельзя не заметить их редкой для мужчин открытости, искренности, нет ни душевной, ни пространственной разобщенности. В письме, отправленном Чижову после 20 февраля 1860 г., Иван писал о собственной неуверенности в поэтическом даровании, о себе как человеке сомневающемся, о сложном положении в славянофильском кружке (человек неподготовленный в кругу людей готовых), о своем непростом положении в семье: «... никому в жизни я в этом не сознавался». И Чижов с Аксаковым предельно откровенен: в одном из писем[18] вспомнил, как при посещении его Аксаковым в 1854 г. на плантации гостя нечем было угостить, только щи и яйца всмятку; живучи на плантации, месяцами питался одним хлебом с огурцами, от семьи не получал никогда ни копейки, накопил долг в 28 тысяч ассигнациями и его уплатил[19], даже признался, что дважды в жизни был на шаг от самоубийства. Ни в каком письме Чижова другим лицам об этом нельзя прочитать, потому что ни с кем – из мужского окружения – отношения не отличались такой доверительностью.

И Аксаков, и Чижов обладали схожими характерами, были людьми очень эмоциональными, страстными. Чижов в тридцатилетнем возрасте пережил глубокое чувство к Е. В. Маркевич, и Аксаков в том же возрасте стал жить жизнью сердца, жизнью грешной, как сам признавался, но счастливой, а когда грешник раскаялся[20], наложил на себя «правила строгости и бесстрастия», то, по признанию Чижову, стало «благоухания в душе меньше ...».

Особенно сблизились они во время издания Аксаковым газеты «День» (1861–1865). Чижов, как отмечалось выше, не только сотрудничал в ней, но готов был даже заменить редактора, над которым летом 1862 г. сгустились правительственные тучи, в следующем, 1863 г. редактируемая Чижовым газета «Акционер» слилась с «Днем» (помощник Чижова с 1860 г. И. К. Бабст уехал в Петербург преподавать наследнику).

Из славянофилов Аксаков и Чижов очень дружили с Ю. Ф. Самариным, но тот с начала 1850-х гг. в постоянных разъездах: то в Киеве при губернаторе, то в Редакционных комиссиях по крестьянскому делу в Петербурге, то в Царстве Польском, то в Самаре и Самарской губернии в имении Васильевском, то за границей; в Москве бывал наездами, общение с ним главным образом письменное. А Чижов почти постоянно жил в Москве, как и Акса-

ков, с поездками в Петербург, в Малороссию, в Европу и для лечения в Виши. Оба живут общей жизнью, общими интересами. Случалось, что Самарин посылал им одно письмо для двоих: «Я буду отвечать Вам обоим зараз», – писал Самарин Аксакову[21].

1865 год был грустным в жизни Аксакова: это последний год издания им газеты «День». Безуспешно он добивался повышения подписки на газету, издание которой – себе в убыток, накапливая долги, – позволить больше не мог. Приехавший в 1865 г. в Москву Самарин сообщал А. О. Смирновой: «В Москве пусто, скучно и мертво. Малое стадо, составлявшее для меня Москву, разбилось и улеглось по окрестным кладбищам. Немногие уцелевшие, Аксаков и др., стоят одиноко и томятся своею как бы несвоевременностью»[22].

Решив жениться, Аксаков «последнюю холостую пятницу» (у него собирались по пятницам. – *Т.П.*) желал провести именно с Чижовым и Николаем Васильевичем Павловым, предложил Чижову и Самарину быть шаферами на своей свадьбе 12 января 1866 г., но, к сожалению, Самарин уехал в Самару, где в январе председательствовал на первом земском собрании, вместо себя оставил племянника Федора Соллогуба, а Чижов отправился по делам в Ярославль[23].

Поселившись с женой, старшей дочерью Ф. И. Тютчева, в деревне, в Абрамцеве, ради экономии средств, он уже 18 февраля 1866 г. изъявил желание поговорить с Чижовым, для чего приезжал в Москву, но неудачно: Чижов был занят. 19 февраля написал Федору Васильевичу письмо о том, нельзя ли получить должность директора на железной дороге: «... чтобы найти в деятельности подспорье доходам, не прибегая к службе казенной и не отваживаясь покуда в рискованные журнальные предприятия»; «... в качестве редактора “Дня” я один, на свой счет держал знамя, которое считает в числе своих поклонников людей в тысячу раз более меня богатых»[24]. Аксаков был обижен и на русскую публику, и еще больше на своих единомышленников по славянофильскому кружку (на братьев Елагиных, Кошелева, кн. В. А. Черкасского), которые почти не поддерживали издание ни статьями, ни денежно, хотя все люди небедные.

Выход нашел Чижов, побудив московских купцов собрать деньги на новую газету, которая защищала бы интересы отечественных производителей и торговцев. Газета «Акционер», редактируемая Чижовым, прекратила свое существование в 1863 г.,

а потребность в таком печатном органе купцы ощущали, однако в общественном плане еще не научились проявлять инициативу, нуждались в побуждении, в подталкивании. И Чижов убедил их пригласить редактором Аксакова: и в обществе, и в журналистике он обладал бесспорным авторитетом.

Публикуемая переписка Аксакова и Чижова 1866 г. – история создания газеты «Москва» от замысла, оформившегося в сознании Чижова в апреле 1866 г., до ее завершения в октябре соглашением между Аксаковым и купцами (первый номер вышел 1 января 1867 г.). Поскольку обмен посланиями в это время был частым, переписка – «пошаговая» констатация происходившего.

В книге И. А. Симоновой несколько смещены акценты: «Убедить Аксакова вернуться к журналистской деятельности взялся Чижов»; «Аксакова долго упрашивать не пришлось»[25]. Чижову не пришлось ни упрашивать, ни убеждать Аксакова: бездействие ему надоело через месяц жизни в Абрамцеве, скучном в зимнее время. Денег у Ивана Сергеевича на новую газету нет, за издание старой есть долги, но, если московские купцы смогут собрать 50 тысяч рублей серебром (и собрали), обещают не вмешиваться в редакционную политику, в ведение газеты, отчего же отказываться от предложения?

Еще труднее согласиться с мнением, высказанным Н. И. Цимбаевым, о том, что Чижов поторапливал Аксакова: «Во второй половине сентября Чижов напомнил Аксакову о необходимости действовать активно»[26]. Все было наоборот: Чижов сделал предложение, Аксаков его принял, но дело затянулось, и именно последний выражал недовольство тем, что оно не двигается. Летом 1866 г., находясь в Усово (под Москвой), осведомлялся: «Сделайте милость, уведомьте меня, в каком положении дело о газете?». Он же 7 августа: «... из всего видно, что дело газеты пребывает в том же status quo, в котором я оставил его месяц назад. Я могу только объявить, что если это дело не будет окончено в течение двух недель, то я от него решительно отказываюсь, ибо уже поздно». Вечером 25 сентября, накануне своего дня рождения и именин, Аксаков отправил Чижову письмо-ультиматум: необходимо «обсудить и покончить дело *окончательно*, без новых отсрочек. В среду утром я заеду к Вам. *Долее* я ждать не могу <...> Нужно *немедленно* выхлопотать позволение, вернее, залог, напечатать объявление, набрать сотрудников <...> постарайтесь, по дружбе ко мне, вывести меня поскорее из тяжелого томительного, выжидательного положения»[27]. Понять нетерпение Аксакова можно: если

газеты не будет, он остается в Абрамцеве и необходимо на зиму запасаться дровами, сеном, а если купцы решились издавать газету, то наступает время объявлять подписку и нанимать квартиру в Москве: хорошие, теплые квартиры очень быстро разбирают.

В октябре удалось договориться. Чижов вел в «Москве» экономический отдел и пристально следил за другими печатаемыми материалами. Если что-то ему не нравилось, своего отношения не скрывал: высказался по поводу фельетонной лихости статьи В. А. Соллогуба в третьем номере «Москвы» («чушь, чушь и чушь»), против перебранки Аксакова с министром внутренних дел П. А. Валуевым: «Вы его укусите, это правда, – этим нанесете минутную неприятность, – но все-таки газеты не будет ...».

Так и случилось. «Москва» выходила, когда действовали новые правила о печати, принятые в 1865 г.: цензурные запреты заменились системой предостережений и приостановки издания. За 1867–1868 гг. газета получила девять предостережений, трижды приостанавливалась на разные сроки, в декабре 1867 – феврале 1868 гг. вместо нее выходила газета «Москвич». Замена Валуева в 1868 г. еще более жестким А. Е. Тимашевым привела к запрещению газеты. «Москва» была закрыта не за критику таможенной политики властей, а главным образом за ее «вредное», с точки зрения властей, политическое направление (обсуждение остзейского вопроса в прибалтийских губерниях, защита свободы слова и др.). С. Т. Аксаков не раз убеждал сына: «Противу рожна прати нельзя», и Чижов убеждал...

В 1869 г. Аксаков снова не у дел, т. е. не у дел литературных и журнальных. В 1866 г. после закрытия «Дня» Чижов советовал Ивану Сергеевичу не заниматься хозяйством, не бросать литературную деятельность, именно литературный труд принес Аксакову известность в русском обществе, давал глубокую внутреннюю удовлетворенность, был смыслом его жизни. Аксаков говорил, что без него чувствует себя «стертым пятиалтынником».

Интересно письмо А. Ф. Аксаковой Чижову, написанное 3 июня 1869 г. из Сосновки Самарской губернии. Она благодарила «за постоянную заботливую дружбу Вашу к нам» и к бывшему редактору газеты «Москва», сообщала, что он теперь в новом звании агронома и сельского хозяина. Далее следует неожиданное: «Мы все очень ошиблись на его счет, предполагая, что он рожден для литературной деятельности, для общественных интересов и трудов ...». Оказывается, «общественные вопросы, журналистика,

славянофильство – все это прах и суета», теперь Иван Сергеевич занят рожью, пшеницей, молотилкой, это предметы их теперешних размышлений и разговоров. Если так все чудесно складывалось, как уверяла Анна Федоровна, то почему в письме такой грустный конец? «Но несмотря на все усердие, дело довольно плохо ...»[28].

И снова «спасательный круг» тонущему от непривычки к хозяйственной деятельности Аксакову бросил Чижов. Надеяться на продолжение издательской деятельности после неудачи с «Москвой» было нереально. Кроме того, Чижов не был доволен тем, как Аксаков вел газеты. В самом первом письме ему в Мюнхен читаем: «Вы думаете, я прощал Вам Ваш “Парус” <...>» – газета была закрыта после выхода двух номеров. Чижов надеялся, что следующую – «День» – друг поведет более осмотрительно, что она будет газетой «положительной», т. е. газетой «положительных указаний пути, а не брани», не говоря уже о «Москве». Чижову было необходимо подумать об иной деятельности для Аксакова. В 1869 г. он организовал в Москве купеческое Общество взаимного кредита для помощи «слабо-кредитному торгующему люду», «бедному труженику»[29]. Чижову хотелось сразу сделать Аксакова председателем Правления банка; создав банк, он не намерен был в нем оставаться, но Аксаков поостерегся, не имея совершенно опыта банковской службы, кроме того, не было уверенности, что члены правления изберут председателем именно Аксакова. И снова, как в 1866 г., переписка (Аксаков летом 1869 г. в Самаре, а Чижов в Москве) фиксирует все действия Чижова и его единомышленников из купеческой среды. В конце концов Чижов был избран председателем Правления, Аксаков – членом Правления. Банк – это, конечно, не журнальные баталии, а скучная «цифирь», и самому Чижову повседневная банковская рутина не нравилась, он только любил создавать банки.

Оказалось, что Чижов сделал правильный шаг: Аксаков отменно вел дела и в присутствии Чижова, и в его отсутствии, заменяя его на председательском посту (в молодости он был на очень хорошем счету и в Министерстве юстиции, и в Министерстве внутренних дел, его отчеты ставились в пример другим чиновникам; буквально через два года после окончания Училища правоведения, в 1844 г., он ревизовал Астраханскую губернию; будучи младшим чиновником, исполнял обязанности старшего, трудился больше, чем остальные 11 ревизоров вместе взятые, что вызывало недовольство матери О. С. Аксаковой: «Которая лошадь везет,

ту и погоняют»). В письмах Аксакова другу 1869–1877 гг. порою трудно отделить события частной жизни от отчетов о коммерческих операциях (мы опускаем его специальные доклады о недельных балансах банка, когда Чижов болел или лечился, как не имеющие прямого отношения к их взаимоотношениям).

Оба жили в новой реальности: и в письмах Аксакову, и в письмах А. П. Елагиной Чижов выражал недовольство властью денег, которые он лично не любил, и Аксаков отдавал себе отчет в сломе приоритетов в обществе, когда «интересы экономические – банки, дороги, акции, облигации – вытеснили все другие». Его больно ранило то, что купеческое сословие равнодушно к литературным вопросам: «Купцам – а они составляют господствующий теперь элемент в русском обществе и в самом деле в известном отношении представляют силу, с которой приходится правительству иногда и считаться, – купцам нет положительно никакого дела до судьбы литературы и литераторов»[30]. Дело было даже не в купцах, а в состоянии общества: «Что Россия идет вперед, это несомненно, но что людей нет, что уровень ума значительно понизился, равно как ослабел и жар благородных и бескорыстных интересов, – это также не подлежит сомнению»[31].

Времена, как известно, не выбирают, и, хотя голова у Ивана Сергеевича была «не для коммерческих соображений»[32], он отлично справлялся с обязанностями, а во время вынужденных отъездов Чижова на операции, на лечение всегда заменял его на посту председателя Правления – пусть полечится, лишь бы здоров был: «Получил сегодня утром в Банке письмо Ваше из Киева, дорогой Федор Васильевич, от 11 июня, или вернее сказать из-под Триполья, от “шовкового пана”. По почерку и по тону письма видна бодрость, здоровье тела и духа, чувствуется, как Вы вкушаете досуг и отдых, и как они вкусны Вам, добытые законно, трудом»[33]; «Я так рад за Вас, что Вы отдыхаете и так от всего сердца желаю, чтоб Вам в пользу было Ваше пребывание за границей. И незачем Вам торопиться, пока Вы не закалитесь силами вдоволь» [34].

Но иногда (надо отметить – редко) Аксаков мог совершать неожиданные поступки: в 1874 г., не посоветовавшись с Чижовым, без его ведома скупил акции по дорогой цене; желая поправить свое материальное положение, только усугубил его. По просьбе жены Аксакова, Анны Федоровны, Чижов снова пришел на помощь: продали и приобретенное А. Ф. Аксаковой имение Турово, и доставшееся в 1865 г.

по разделу с братом Григорием заволжское имение Ивана Сергеевича Вишенки (хотя не очень выгодно, поскольку долг не покрыли).

До конца жизни Чижова Аксаков служил в Обществе взаимного кредита, считая это «крестом», но другого выхода, чтобы обеспечить семью, не видел; после кончины Чижова его избрали председателем Правления Общества взаимного кредита (1877–1886), таким образом Чижов обеспечил Аксакова средствами до конца его жизни. В 1881 г., уже после смерти Федора Васильевича, он вернулся к журнальной работе, став издателем газеты «Русь», но пережитый во время издания «Дня» страх – лишь бы не наделать снова долгов! – преследовал его.

Жизненные пути Чижова и Аксакова шли к завершению. Разумеется, служение благу России, ее народу давало им глубокое внутреннее удовлетворение: «<...> годы уже такие, – отмечал Чижов, – что личная жизнь не может и не должна сулить ничего, – если что порадует, то только в жизни общественной и в жизни народа»[35]. Не все задуманное удалось осуществить: Чижов всю жизнь мечтал написать биографию Н. М. Языкова по его переписке, историю Венецианской республики, приезжая в Италию, почти все деньги тратил на книги; Аксаков не успевал написать биографию брата Константина, исторический очерк о жизни семейства Аксаковых, «этюд» о Гоголе.

Последние годы жизни Чижова были омрачены и болезнью, и начавшимся летом 1875 г. в Герцоговине восстанием, которое поддержала Сербия и Черногория. Балканский вопрос стал русским вопросом. Аксаков в качестве председателя Славянского комитета организовал по всей России сбор средств на нужды восставших. Чижов не остался в стороне от происходившего, разрешив на станциях Московско-Ярославской дороги поставить кружки для пожертвований. Отправившегося в Сербию для руководства сербской армией генерала М. Г. Черняева он знал лично. Чижов сочувственно относился к бедственному положению балканских славян, но осуждал воинственный тон некоторых русских газет и журналов, желавших войны. 12 апреля 1877 г. Россия вступила в войну, которую Чижов называл «бойней» и до конца которой – с позорным Берлинским миром – не дожил. Но он предвидел, что война долго не продлится, в казне нет денег, и это было известно ему доподлинно: еще до начала войны министр финансов М. Х. Рейтерн советовался с ним, частным лицом, где взять средства на ее ведение.

Аксаков навещал больного Федора Васильевича, который умер от аневризмы вскоре после его визита, проводил друга в послед-

ний путь, на заседании московского Славянского благотворительного общества произнес речь об умершем, которую – с дополнениями – напечатал в «Русском архиве»[36]; в годовщину смерти, находясь в ссылке во Владимирской губернии, заказал панихиду, знакомым напоминал о 14 ноября, дне смерти Чижова, чтобы не забыли; по инициативе Аксакова на физико-математическом отделении Московского университета появилась стипендия имени Федора Васильевича Чижова.

В 1876 г. Аксаков очень тяжело пережил смерть Самарина, совершенно неожиданную. В 1877 г. не стало Чижова, последнего друга, закончилось его многолетнее «доброе, дружеское, великодушное участие» в жизни Аксакова, которым он неслыханно дорожил. Отныне Аксаков остался в совершенном одиночестве.

Примечания

[1] Письмо от февраля 1860 г. // Поэзия. 1984. Вып. 40. С. 118–125.

[2] *Цимбаев Н. И.* И. С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М.: Изд-во Моск ун-та, 1978; *Симонова И.* Федор Чижов. М.: Молодая гвардия, 2002; *Аксаков И. С.* Материалы для летописи жизни и творчества / под ред. *С. В. Мотина*. Уфа: УЮИ МВД России, 2009–2013; *Тесля А. А.* Последний из «отцов». Биография Ивана Аксакова. СПб.: «Владимир Даль», 2015.

[3] Письмо от 28. V. 1869 г. // РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 4. № 675. Л. 1–3.

[4] Письмо Ф. В. Чижову от 1. II. 1874 г. // НИОР РГБ. Ф. 332. Карт. 15. № 18. Л. 4 об.

[5] Письмо И. С. Аксакову от 6. II. 1860 г. // РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 4. № 675. Л. 52–55 об.

[6] Письмо родным от 26. IV. 1846 г. // Аксаков И. С. Письма к родным. 1844–1849. М.: Наука, 1988. С. 240.

[7] Письмо родным от 19. V. 1854 г. // Аксаков И. С. Письма к родным. 1849–1856. М.: Наука, 1994. С. 258–259.

[8] Запись от 8. VI. 1856 г. в дневнике Ф. В. Чижова за 1855 и 1856 гг. // НИОР РГБ. Ф. 332. Карт. 2. № 8. Л. 21.

[9] Письмо от 14. IX. 1856 г. // Аксаков И. С. Письма к родным. 1849–1856. М., 1994. С. 450.

[10] Русская беседа. 1859. Кн. VI (XVIII). Отдел V: Смесь. С. I–VIII.

[11] Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Эпистолярный дневник 1838–1886 гг.: в 3 т. / Издание подготовил *Т. Ф. Прокопов*. М.: Русская книга, 2004. Т. III. С. 56.

[12] Письмо от 23. III, 13. V. 1860 г. // РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 4. № 675. Л. 99.

[13] Письмо Ф. В. Чижова от 6. II. 1860 г. // Там же. Л. 52–55 об.

[14] Письмо от 9. V. 1866 г. // Там же. Л. 92–93 об.

[15] Письмо И. С. Аксакову от 28. VIII. 1862 г. // Там же. Л. 84–87 об.

[16] *Цимбаев Н. И.* И. С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М.: Изд-во Моск ун-та, 1978. С. 138.

[17] НИОР РГБ. Ф. 332. Карт. 15. № 12. Л. 34.

[18] Письмо от 23–24. II. 1866 г. // РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 4. № 675. Л. 69–72 об.

[19] Письмо от 27. VII. 1874 г. // Там же. Л. 30–33 об.

[20] О «раскаявшемся грешнике» и «обете целомудрия», наложенном на себя, см. в письме И. С. Аксакова Ю. Ф. Самарину от 16–20. IX. 1865 г. // Переписка И. С. Аксакова и Ю. Ф. Самарина. СПб.: Пушкинский Дом, 2016. С. 224.

[21] Письмо от 17 (29). V. 1864 г. // Там же. С. 180.

[22] Письмо от 30. IV. 1865 г. // НИОР РГБ. Ф. 265. Карт. 40. № 1. Л. 442. Копия.

[23] Письмо И. С. Аксакова Ф. В. Чижову, написанное около 12 января 1866 г., дня своей свадьбы. // Там же. Ф. 332. Карт. 15. № 5. Л. 6.

[24] Письмо от 19. II. 1866 г. // Там же. Л. 12–13 об.

[25] *Симонова И.* Федор Чижов. М.: Молодая гвардия, 2002. С. 178, 179.

[26] *Цимбаев Н. И.* И. С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. С. 133.

[27] Письма от лета 1866 г. из Усово // НИОР РГБ. Ф. 332. Карт. 15. № 5. Л. 26–27; от 7 и 25. IX. 1866 г. // Там же. № 12. Л. 28–28 об., 48–49.

[28] НИОР РГБ. Ф. 332. Карт. 15. № 18. Л. 2, 2 об., 3.

[29] Письмо И. С. Аксакову от 19. VII. 1869 г. // РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 4. № 675. Л. 6–7 об.

[30] Письмо Ю. Ф. Самарину от мая–начала октября 1872 г. // Переписка И. С. Аксакова и Ю. Ф. Самарина. СПб.: Пушкинский Дом, 2016. С. 281.

[31] Письмо М. Ф. Раевскому от 9. V. 1866 г. // Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Эпистолярный дневник 1838–1886 гг.: в 3 т. / Издание подготовил *Т. Ф. Прокопов*. М.: Русская книга, 2004. Т. III. С. 259.

[32] Письмо родным от 14. VIII. 1854 г. // Аксаков И. С. Письма к родным. 1849–1856. М.: Наука, 1994. С. 301.

[33] Письмо от 18. VII. 1874 г. // НИОР РГБ. Ф. 332. Карт. 15. № 9. Л. 10–12 об.

[34] Письмо от 5. VI. 1875 г. // Там же. Л. 21–22 об.

[35] Письмо И. С. Аксакову от 1. VI. 1876 г. // РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 4. № 675. Л. 38–39 об.

[36] Русский архив. 1878. Кн. 1. Вып. 1.

Notes

Diary entry by F. V. Chizhov dated June 8, 1856. *Diary for 1855 and 1856.* NIOR RGB. F. 332. Cart. 2. № 8. L. 21.

Ivan Sergeevich Aksakov v ego pis'makh. Epistolyarnyy dnevnik 1838–1886 gg. [Ivan Sergeevich Aksakov in his letters. Epistolary diary 1838–1886]: in 3 vols. Vol. 3. Moscow, 2004. P. 56.

Letter dated April 30, 1865. NIOR RGB. F. 265. Cart. 40. № 1. L. 442. Copy.

Letter dated February 1860. Poeziya [Poetry] (1984). Iss. 40: 118–125.

Letter dated February 19, 1866. NIOR RGB. F. 332. Cart. 15. № 5. L. 12–13 rev.

Letter dated February 23–24, 1866. RO IRLI. F. 3. Op. 4. № 675. L. 69–72 rev.

Letter dated July 18, 1874. NIOR RGB. F. 332. Cart. 15. № 9. L. 10–12 rev.

Letter dated July 27, 1874. RO IRLI. F. 3. Op. 4. № 675. L. 30–33 rev.

Letter dated June 5, 1875. NIOR RGB. F. 332. Cart. 15. № 9. L. 21–22 rev.

Letter dated March 23, May 13, 1860. RO IRLI. F. 3. Op. 4. № 675. L. 99.

Letter dated May 17 (29), 1864. In Perepiska I. S. Aksakova i Yu. F. Samarina [Correspondence of I. S. Aksakov and Yu. F. Samarin]. Moscow, 2016. P. 180.

Letter dated May 28, 1869. RO IRLI [Manuscript Department of the Institute of Russian Literature]. F. 3. Op. 4. № 675. L. 1–3.

Letter dated May 9, 1866. RO IRLI. F. 3. Op. 4. № 675. L. 92–93 rev.

Letter dated September 14, 1856. In Aksakov I. S. *Pis'ma k rodnym. 1849–1856* [Aksakov I. S. Letters to relatives. 1849–1856]. Moscow, 1994. P. 450.

Letter from I. S. Aksakov to F. V. Chizhov, written around January 12, 1866, the day of his wedding. NIOR RGB. F. 332. Cart. 15. № 5. L. 6.

Letter of F. V. Chizhov dated February 6, 1860. RO IRLI. F. 3. Op. 4. № 675. L. 52–55 rev.

Letter to F. V. Chizhov dated February 1, 1874. NIOR RGB [Research Department of Manuscripts of the Russian State Library]. F. 332. Cart. 15. № 18. L. 4 rev.

Letter to I. S. Aksakov dated August 28, 1862. RO IRLI. F. 3. Op. 4. № 675. L. 84–87 rev.

Letter to I. S. Aksakov dated February 6, 1860. RO IRLI. F. 3. Op. 4. № 675. L. 52–55 rev.

Letter to I. S. Aksakov dated July 19, 1869. RO IRLI. F. 3. Op. 4. № 675. L. 6–7 rev.

Letter to I. S. Aksakov dated June 1, 1876. RO IRLI. F. 3. Op. 4. № 675. L. 38–39 rev.

Letter to M. F. Raevsky dated May 9, 1866. In *Ivan Sergeevich Aksakov v ego pis'makh. Epistolyarnyy dnevnik 1838–1886 gg.* [Ivan Sergeevich Aksakov in his letters. Epistolary diary 1838–1886]: in 3 vols. Vol. 3. Moscow, 2004. P. 259.

Aksakov I. S. Pis'ma k rodnym. 1844–1849 [Aksakov I. S. Letters to relatives. 1844–1849]. Moscow, 1988.

Letter to Yu. F. Samarin dated May – early October 1872. In *Perepiska I. S. Aksakova i Yu. F. Samarin*a [Correspondence of I. S. Aksakov and Yu. F. Samarin]. Moscow, 2016. P. 281.

Letters from the summer of 1866 from Usovo (NIOR RGB. F. 332. Cart. 15. № 5. L. 26–27) and dated September 7 and 25, 1866.

Motin S. V. (ed.) (2009–2013) *Aksakov Ivan Sergeevich. Materialy dlya letopisi zhizni i tvorchestva* [Aksakov Ivan Sergeevich. Materials for the chronicle of life and work]. Ufa.

NIOR RGB. F. 332. Cart. 15. № 12. L. 34.

NIOR RGB. F. 332. Cart. 15. № 18. L. 2, 2 rev., 3.

On the "repentant sinner" and the self-imposed "vow of chastity", see letter from I. S. Aksakov to Yu. F. Samarin dated September 16–20, 1865. In *Perepiska I. S. Aksakova i Yu. F. Samarina* [Correspondence of I. S. Aksakov and Yu. F. Samarin]. Moscow, 2016. P. 224.

Russkaya beseda [Russian conversation]. 1859. Book VI (XVIII). Section V: Smes' [Miscellany]: I–VIII.

Russkiy arkhiv [Russian Archive]. 1878. Book 1. Iss. 1. (In Russian)

Simonova I. (2002) *Fedor Chizhov*. Moscow. Pp. 178, 179.

Teslya A. A. (2015) *Posledniy iz «ottsov». Biografiya Ivana Aksakova* [The last of the "fathers". Biography of Ivan Aksakov]. St. Petersburg.

Tsimbaev N. I. (1978) *I. S. Aksakov v obshchestvennoy zhizni poreformennoy* Rossii [I. S. Aksakov in the public life of post-reform Russia]. Moscow.

Поступила в редакцию
08.09.2025